На следующее утро, чуть только взошло солнце, Дорис, доверив присмотр за все еще спящим Дэном престарелому доктору, покинула ферму.

— Ты твердо решила?

Даже если предположить, что он все еще жив, ты совершенно не представляешь, удастся тебе найти его или нет.

Док, конечно же, говорил о Ди.

Дорис молча улыбнулась, но улыбка эта не была унылой.

Девушка знала, что обязана спасти охотника, даже если ей суждено погибнуть, и эта уверенность служила улыбке опорой.

— Не волнуйся, мы обязательно вернемся.

Позаботься о Дэне.

— С этими словами Дорис развернула лошадь и поскакала к замку вампира.

Да, она боялась.

Губительные клыки аристократа однажды уже коснулись ее шеи, а пару часов назад Дорис снова едва не пострадала.

Девушка уже совершенно забыла об эффективности чеснока.

Услышав от доктора Ферринго, что граф по неведомой причине сбежал, девушка убедилась в том, что порошок сработал.

Однако, едва она поверила в это, тотчас же все воспоминания о препарате полностью стерлись из ее сознания.

Зато Дорис прекрасно помнила, как прошлой ночью страшный аристократ играючи отразил все ее атаки.

Эти события четко слишком четко

— отпечатались в мозгу девушки.

Ей не победить вампира.

И нет способа остановить врага.

Дорис скакала по равнине (в искусстве верховой езды прекрасная всадница могла бы посрамить любого мужчину!), и сердце ее готово было провалиться в пропасть отчаяния, но от падения девушку удерживал Дэн

— его простодушное личико неотрывно стояло перед глазами девушки.

«Не тревожься, твоя старшая сестра не позволит ублюдку одолеть ее.

Я верну Ди, и тогда мы избавимся от всех них»,

— думала она.

Мордашку Дэна на миг закрыло другое лицо. Холоднее, чем графское, но столь совершенное, что Дорис покрылась гусиной кожей.

«Останься в живых. Не важно, насколько серьезно ты ранен, только, пожалуйста, останься в живых».

Заданное погодному контроллеру время цикла «комфорт» истекло, но напоенное прохладой утро в прерии было столь прекрасно и заряжено жизненной энергией, что даже зелень казалась сегодня ярче, чем обычно.

Дюжина усталых всадников, гнавших лошадей едва ли не всю ночь, резко затормозили на дороге, подняв тучи пыли там, где доселе гулял один лишь приятный рассветный ветерок.

Дорога, петляющая среди высокой степной травы, вела в Рансильву.

Внезапно футах в семидесяти от путешественников из придорожных зарослей выскочили четверо и преградили приезжим путь.

— Ну, и какого хрена, черт побери?!

— Мы

— Силы обороны Фронтира, посланы сюда из Столицы.

Прочь с дороги!

Глаза кричавшего всадника опасно сузились.

Необычная внешность четверки наводила на мысли о возможной опасности.

— Женоподобный сопляк, уродливый громила, остроголовый мешок костей и горбун

— а вы, болваны, часом не Дьявольский корпус?

— Да здравствует дедукция!

— Усмешка Рэя-Гинсея целиком и полностью соответствовала цветущему зеленому утру.

Трудно было представить этого славного юношу, несущего улыбку, точно драгоценный камень, главарем свирепой банды, терроризирующей северные районы Фронтира.

— Мы прибыли сюда, чтобы добыть немного денег, поскольку наши лица стали слишком уж хорошо известны на севере, но не успели приступить к работе, как узнали, что вы, ребята, кочуете из деревни в деревню с ордером на наш арест, поэтому решили подождать вас здесь.

Так что будьте любезны, воздержитесь от необдуманных действий.

Оскорбительный тон молодого человека, само собой, разъярил членов СОФа; серьезный мужчина, очевидно командир, гаркнул:

— Заткни свою чертову пасть!

Мы во весь опор ринулись в Педро, когда услышали, что вас, уродов, видели там, но, к большому сожалению, разминулись с вами.

И вот теперь — поверить не могу такой удаче!

На ловца и зверь бежит!

Мы раздавим вас прямо здесь.

И плевать, что вы самые отмороженные бандиты, когда-либо топтавшие землю,

— все вы слабоумные придурки!

Мы как-никак Силы обороны Фронтира!

Самоуверенность командира не была блефом.

Регулярно посылаемые Столицей во все области Фронтира, члены СОФ были обучены сражаться со всеми возможными видами зверей и чудовищ.

Серьезно вооруженные

— в бою каждый из них стоил целого взвода обычных солдат.

За спиной командира воины сомкнули ряды.

Послышался громкий металлический лязг

— это автоматически досылались в обоймы реактивных базук патроны.

Члены отряда уже держали Рэя-Гинсея и его группу на прицелах лазерных винтовок.

Пускай вчерашняя драка в салуне и не поддавалась описанию, сегодня жестокие бандиты едва ли выдержат атаку СОФа.

— Ну, как вам это нравится?

Вот что, раз уж вы сами вляпались в дерьмо, мы, так и быть, разрешим вам бросить оружие, лады?

Так вы по крайней мере сохраните свои жизни

— до той поры, пока не взойдете на эшафот,

— заявил командир.

— И не мечтай!

— Почему это, жалкий ублюдок?

— Пожалуйста, пристрели меня, если от этого тебе станет легче.

Но прежде чем нажмешь на курок

— вспомни кое-что, о чем ты запамятовал.

Командир нахмурился.

— Дьявольский корпус не является квартетом,

— вежливо пояснил Рэй-Гинсей.

— Что?!

Дрожь пробрала отряд СОФ, а взгляды лихой четверки оторвались от бойцов, устремившись куда-то в сторону.

— У нас есть ангел-хранитель, о котором не известно никому в этом мире…

— Уголки губ Рэя-Гинсея, все еще глядящего в пространство, приподнялись в поистине дьявольской ухмылке.

— О, а вот и он!

— И когда прямо перед людьми возник вечный источник ужаса, степень потрясения каждой жертвы оказалась прямо пропорциональна близости к нему.

Командир погиб мгновенно, чуть только нечто материализовалось из прозрачного воздуха и зависло над его лошадью, а пятеро солдат Сил обороны Фронтира в радиусе десяти шагов от него тут же сошли с ума.

И это было еще не всё.

Очевидно, даже животные разглядели нечто или, по крайней мере, ощутили его присутствие; передние кони рухнули наземь, содрогаясь в конвульсиях и орошая песок хлынувшей изо рта и ноздрей пеной.

Остальные с диким ржанием встали на дыбы.

Упавшие со взбесившихся скакунов члены СОФа не кричали

— вероятно, потому, что их психике также уже был нанесен урон.

Чьи-то головы раскололись под копытами буйствующих животных, уцелевшие же солдаты точно окаменели, следя, как оно подходит к ним все ближе и ближе.

Нечто лениво перебиралось от одного выжившего к другому, по очереди прикасаясь к каждому.

Лучшие бойцы Столицы тихо умирали от безумия, бессильные предпринять что-либо в ответ.

— Ну, что ты думаешь?

Пятый член Дьявольского корпуса отличный наблюдатель, не так ли?

Последний солдат СОФа, корчась, полз по дороге; однако при звуке сардонического смеха Рэя-Гинсея нечто внезапно исчезло без следа.

— Что за?..

Обескураженный Рэй-Гинсей обернулся:

дуло лазерной винтовки единственного выжившего солдата смотрело бандиту прямо в лоб.

Благодаря жестоким тренировкам и спартанскому режиму жизни боец, несмотря на то что не владел рассудком, твердо решил покончить с врагом.

— Босс!

Но не успел Голем пошевельнуться, красный луч пронзил голову Рэя-Гинсея.

Однако отшвырнуло назад не его, а стрелка. Немыслимо: лазерный луч, впившийся бандиту прямо в переносицу, вышел из затылка бойца СОФа. Вонь горелой плоти и поджарившегося мозга повисла в доселе свежем воздухе.

— С тобой все в порядке, босс?

— спросил человек с заостренным черепом, бросая полный отвращения взгляд на распростершегося на земле солдата.

Не только голова, но и туловище разбойника имели обтекаемый вид

— точно ракета класса «земля-воздух».

Недаром его звали Бурав.

— Кажется, я жив,

— хохотнул Рэй-Гинсей, потирая лоб.

Между бровями у него чернел кружок ожога около четверти дюйма в диаметре.

Не интересуясь больше самочувствием вожака, четверо злодеев переглянулись, больше встревоженные другим происшествием.

— С ведьмой, должно быть, что-то случилось,

— произнес горбун.

— Хала прав,

— вступил в разговор Рэй-Гинсей.

Единственная причина моей промашки в том, что я, пройди хоть миллион лет, никогда бы не заподозрил, что оно способно попросту исчезнуть посреди боевой операции.

— Странный способ выбрал бандит для оправданий.

Повернув голову налево и вглядываясь в степной простор, Рэй-Гинсей пробормотал:

— Если одно из ее заклятий развеялось от старости, она отправится по холодной, темной дороге в ад…

— Хочешь, я схожу проверю?

— спросил Бурав.

Прекрасная голова качнулась из стороны в сторону.

— Не надо, я сам.

А вы лучше уберите эти неприглядные останки.

Сожгите или сожрите, как вам больше нравится…

— Ужасный приказ сопровождался ослепительной улыбкой.

А вот что случилось, когда чудовищная битва близилась к завершению, или, точнее, как раз перед внезапным исчезновением неведомого нечто, материализовавшегося на дороге прямо из прозрачного воздуха.

Дорис скакала по равнине, готовясь к повороту, как вдруг обнаружила неожиданную преграду и так рванула поводья, что лошадь ринулась в противоположную от запланированного маршрута сторону.

Намеченная девушкой точка располагалась примерно в миле с четвертью от замка графа Ли.

Минуя извилистые тропки, Дорис неслась по холмистой местности напролом, но теперь ей пришлось изменить маршрут.

Отец приводил ее в это место лишь однажды, в далеком детстве.

Тогда она смотрела со стороны, а теперь оказалась близко-близко.

Смертельно испуганная и предельно серьезная, девушка озирала залитые утренним светом загадочные декорации, раскинувшиеся прямо перед нею.

Деревенские называли этот пятачок Карьером дьявола.

Здесь, посредине бесконечного степного простора, стояло, подобно каменному лесу, множество статуй, иные изваяния лежали, обратив лики к небесам.

Никто не нашел бы двух одинаковых лиц и фигур, и не было ни одной скульптуры, которая не была бы чудовищна.

Лысый мужчина с невероятно выпученными глазами; оскалившееся существо с дюжиной рук; статуя с тысячами высеченных каждая отдельно щетинок

— все эти бесподобно детализованные произведения искусства покрывал мох, а равно

— остатки каменных стен и колонн, наводящих на мысль о руинах некой древней крепости.

Все вместе образовывало совсем иное измерение.

Даже утреннее солнце, вдыхающее жизнь в каждый пригорок, в каждую лощину, бросало на лица скульптур до странности жуткие, таинственные тени, словно мох и атмосфера запустения поглощали кванты света, придавая им вес свинцовых грузил.

И воздух здешний был также спертым, мертвящим.

По слухам, аристократы некогда проводили здесь свои омерзительные церемонии, а еще говорили, что в этой каменоломне добывался материал для строительства замка.

Впрочем, последняя теория легко отметалась: из карьера не было вывезено ни одного камня.

В любом случае территория считалась запретной: жители деревни сюда не ходили.

Внимание Дорис привлекла старуха, которая сидела в глубокой низине, формой напоминающей чашу, близ центра Карьера дьявола.

Снова и снова она повторяла какие-то странные жесты.

Возраст ее оставался загадкой.

Судя по седым волосам и морщинам, избороздившим желтоватую кожу и заметным даже издалека, лет ей было не меньше ста, тем не менее тело старухи казалось под завязку наполненным жизнью.

Что же это?

Неужели какая-то пожилая леди, скитаясь по свету, заблудилась и присела передохнуть?

Пусть Дорис сейчас не может доставить старушку в город, она по крайней мере укажет женщине направление к главной дороге.

Девушка хотела подстегнуть лошадь, но вместо этого вдруг натянула поводья и соскользнула на землю.

Туловище старухи, закутанное в выцветший серый плащ, было сильно наклонено вперед; в этой женщине ощущалось

— в тех же глазах, не отрывающихся от обнимающих пустоту кончиков пальцев,

— что-то запредельно злое.

Дорис и помыслить не могла, что в этот миг на дороге в нескольких милях от нее странное существо, возникшее из воздуха, несло безумие и смерть солдатам Сил обороны Фронтира.

Ведя лошадь в поводу и стараясь ступать бесшумно, Дорис спустилась в Карьер дьявола и привязала скакуна к ближайшей колонне, держась при этом за спиной старухи.

Женщина, очевидно, ничего не заметила, поскольку замерла и не шевелилась.

Дорис придвинулась ближе, и мурашки забегали по ее спине.

Ядовитые миазмы распространялись от старой карги.

Очевидно, тут действовали какие-то тайные обереги.

До ушей Дорис долетел низкий голос, нашептывающий заклинания.

— Прекрати!

— сама того не желая, крикнула девушка и шагнула вперед.

В ту же секунду что-то со свистом вылетело из кустов, задев ее щеку.

Дорис молниеносно упала на землю плашмя.

Задержав дыхание, она осторожно коснулась кожи: теплая кровь запятнала кончики пальцев.

«Скотодух? Похоже, старуха сидит в охранной зоне»,

— подумала Дорис.

Вдруг девушка почувствовала, что слева от нее что-то есть.

Она стремительно кувырнулась и вскочила уже с кнутом в руке.

К несчастью, смертельный удар лишь взметнул в воздух пучок травы, противник же, вильнув в сторону, отступил на приличное расстояние

— это Дорис ощутила.

Когда колдуны и чародеи работали, для большего успеха своих действий они замыкали вокруг себя территорию радиусом около десяти футов.

Подобный круг назывался охранной зоной.

Поскольку волшебника могли потревожить,

— если кто-то проникал в охранную зону, пока чародеи трудились, творимые ими заклятия могли потерять эффективность!

— колдуны создавали разных существ и сажали их, точно сторожевых псов, готовых напасть на пришельца, по периметру территории.

Роль охранников зачастую играли огромные собаки, ядовитые лягушки и змеи, вскормленные чистейшим злом, но старая карга воспользовалась призрачной тварью, рожденной исключительно силой ее воли,

— скотодухом, возможно, самым отвратительным из всех волшебных существ.

Дорис понимала, что спасли ее лишь превосходные рефлексы умелого охотника.

Обычный человек еще несколько секунд назад рухнул бы со вспоротым горлом.

Девушка мысленно поблагодарила отца.

— До старой леди футов сорок.

Тут без хитрости не обойтись,

— пробормотала себе под нос Дорис.

Она рисковала, но это был ее единственный шанс.

Девушка понятия не имела, какого рода неприятности способна ей причинить старая карга.

И опять взвился в воздух кнут

— по направлению к старухе.

Свистящий скотодух тут же атаковал Дорис.

Мгновение — и плеть, резко щелкнув, рванулась назад.

Секундой позднее девушка ощутила, как нечто в пустоте рвется пополам.

Пространство наполнилось удушающей злобой

— впрочем, тягостная атмосфера быстро рассеялась.

— Ва-ах!

Вопль, испущенный согнувшейся в три погибели старухой, заставил Дорис вскочить на ноги.

Девушка спровоцировала нападение скотодуха, сделав вид, что угрожает старой карге, но в последнюю секунду одним поворотом запястья изменила направление удара, поразив тварь.

Опоздай Дорис хоть на долю секунды, сейчас она была бы уже мертва.

Смертельный фокус оправдал себя, но тут проявился непредвиденный побочный эффект.

Поскольку старуха вызвала скотодуха к жизни собственным колдовством, уничтожение его повлекло за собой разрыв и другого ее заклятия, в которое чародейка вложила все свои жизненные силы:

когда чары рухнули, черное сердце ведьмы стукнуло в последний раз.

В этот момент исчезла кошмарная тварь, тянувшаяся к последнему солдату Сил обороны Фронтира.

— Эй, леди!

А ну-ка, очнись!

— Дорис подбежала к колдунье и схватила ее за руку, но глаза старухи уже закатились.

Изо рта сочилась пена, а на морщинистом лице покойницы навсегда застыло обиженное

выражение.

На лбу краснело клеймо

— пентаграмма, отметина чародея.

— Ах, черт!

Не совсем этого я хотела…

— Дорис всего лишь защищалась и никого не хотела убивать, даже злую колдунью, поэтому на сердце девушки легла тяжесть.

— Прости, но тебе придется подождать тут, пока я не вернусь.

Меня ждет важное дело.

Дорис уложила труп на землю и уже собралась идти назад, к лошади, но вдруг застыла, обуреваемая сомнениями.

Девушка ясно понимала, что выяснить, в порядке Ди или нет, куда важнее, чем доставить в город мертвое тело.

Ведь она явилась сюда, прекрасно осознавая, чем рискует.

Останки старухи выглядели ужасно жалкими и одинокими.

Ветер небрежно трепал рукава потертой накидки.

Брошенный в глуши труп

— заманчивая цель для любых чудовищ.

Плохо, если кто-то из них позавтракает колдуньей, но куда хуже, если он проникнет внутрь старухи

— это будет страшная угроза человечеству.

Даже при свете дня здесь наверняка бродят опасные существа, способные превратиться в

огненный шар, скользнуть в холодное тело и овладеть бесхозным мертвецом, с которым не обошлись как должно.

Дорис не прихватила из дому никаких приспособлений, с помощью которых сейчас можно было бы позаботиться о трупе.

Лошади или повозки старухи поблизости не наблюдалось, а внутренний карман плаща колдуньи не содержал ничего, кроме нескольких подозрительных на вид безделушек.

Дорис вернулась к телу и осторожно приподняла его.

— Не думаю, что здесь действительно снуют твари, которые жаждут овладеть тобой, но все равно я собираюсь забрать твое тело.

Однако никаких гарантий, что мы вернемся назад в целости и сохранности, нет.

Погрузив труп на лошадь позади седла, Дорис для надежности сыромятным шнурком прикрутила руки и ноги старухи к кобыле.

Так покойница не свалится на ходу и никуда не денется, даже если кто-то и проникнет в нее.

Дочь охотника привыкла к работе такого рода

— Дорис управилась меньше чем за три минуты.

Затем девушка вскочила в седло.

«В любом случае теперь я отправлюсь к главной дороге».

Лошадь сделала всего пару шагов, когда Дорис резко развернулась.

Что-то тяжелое прожужжало за ее спиной.

Раздался шлепок

— и отрезанная голова старухи, описав кровавую параболу, бухнулась на землю, за миг до удара оскалившись и открыв глаза

— глаза демона!

Затем она устремилась к особе, ответственной за отделение ее от тела.

Всадник, возвышавшийся на ближнем холме, метнул вперед черную молнию; расколотая ото лба до подбородка голова старухи упала в пыль и больше не двигалась.

Дорис осознала, что отделалась легким испугом.

За ее спиной застыл обезглавленный труп, чьи когтистые пальцы еще миг

— и разорвали бы девичье горло.

С запястий свисал лопнувший шнур.

Злой дух завладел телом колдуньи еще до того, как Дорис прикоснулась к ней.

Чуть только покойница избавилась от пут, чтобы напасть на Дорис сзади, всадник на холме с непревзойденным мастерством и скоростью отрубил колдунье голову.

Лошадь встряхнулась, и безголовое тело шлепнулось в траву, а Дорис наконец повернулась к своему спасителю.

— Ох, Ди, я…

Румянец вспыхнул на ее щеках.

Впрочем, держался он недолго.

Красота спускавшегося с холма ловкача не уступала красоте Ди, но это определенно был не он.

— Поверить не могу, как ты просекла.

— Поравнявшись с девушкой, Рэй-Гинсей чарующе улыбнулся.

Он говорил о том, что она ощутила чужое присутствие и обернулась за долю секунды до нападения.

— Ерунда.

Похоже, я вновь у тебя в долгу.

Что за оружие ты применил?

Рэй-Гинсей сделал вид, что удивлен столь необычным для дамы вопросом.

— Да простит меня юная леди, но, судя по твоему одеянию и кнуту, ты, видимо, из охотников.

— Охотником был мой отец.

А я вроде как играю в него,

— не смущаясь и не скромничая ответила Дорис и улыбнулась.

По неизвестной причине улыбка получилась натянутой.

Осознав, что даже после обмена любезностями Дорис смотрит на него неотрывно, но не на лицо, а скорее, на отягченную оружейным поясом талию, привлекательный юноша мрачно усмехнулся.

— Что привело тебя сюда в столь ранний час?

Ты был по близости?

— Точно так.

— В таком случае не отвезешь ли вместо меня в город тело старой леди?

Я бы и сама поехала и объяснила все шерифу, но, честно говоря, сейчас я немного спешу.

— Дорис остановила лошадь и быстро описала, что случилось.

Молча выслушав девушку, Рэй-Гинсей пробормотал:

— Понятно.

Значит, вот оно как…

Да, я позабочусь о трупе.

С обоими телами обойдутся должным образом.

— С обоими?

— Дорис нахмурилась, но беззаботная улыбка юноши разгладила морщинку на ее лбу.

— Ладно, хорошо.

Спасибо.

Она натянула поводья, но тут сильные руки обхватили красавицу и заключили ее в объятия.

Изо рта Рэя-Гинсея струился сладкий аромат, совершенно не свойственный мужчинам.

— Какого черта…

— Я спас тебе жизнь, причем ценой жизни одного из четырех моих спутников.

Конечно, ты очень красива.

Да еще вчерашний случай…

Едва ли кто-нибудь станет винить меня, если я взыщу маленькую компенсацию.

— Лучше отпусти меня, иначе…

— А еще ты видела нечто, не предназначенное для твоих очей.

Мы действительно не можем позволить тебе отправиться в город и рассказать обо всем случившемся.

Так что тебе придется умереть здесь и сейчас.

Скажем так, почему мне нельзя отомстить за павшего товарища?

Не сопротивляйся.

Ты еще поживешь немного.

По крайней мере до тех пор, пока я не получу удовольствие…

Рот мужчины сомкнулся на губах девушки.

И тут же, охнув, Рэй-Гинсей поспешно отпрянул.

Он прижал руку ко рту, отвел ее

— кровь запятнала ладонь.

Укус Дорис был впечатляющим, тонкие губы оказались прокушены.

— Не тронь меня!

Есть кому обо мне позаботиться, и я не желаю, чтобы меня касался червяк вроде тебя!

В голосе девушки кипела ярость.

Она думала, что сейчас кукольное личико Рэя-Гинсея вспыхнет от злости, но он всего лишь улыбнулся гневным речам Дорис.

Только это была не та очаровательная улыбка, на которую люди охотно отвечают.

Эта была сатанинская ухмылка, которую мы уже видели на главной дороге.

Содрогнувшись, Дорис послала верный кнут в самый центр ненавистного лица.

Мужчину и девушку разделяло меньше полутора футов

— слишком близко для удара бича.

И все же развернувшаяся черная плеть ужалила точно.

Сейчас прекрасное лицо обернется кровавым месивом!

Однако кнут внезапно поглотила черная вспышка, вырвавшаяся из пояса противника Дорис.

Рэй-Гинсей поистине чудесно владел своим причудливым V-образным оружием

— конец бича срезало в мгновение ока.

При этом лицо юноши расцвело прежней милой улыбкой.

— Хай-я!

Сообразив, что у нее нет ни единого шанса на победу, Дорис во весь опор погнала лошадь к развалинам.

Торопясь спастись, девушка как будто забыла о мощи вражеского оружия и о том, как оно снесло голову старухе с расстояния шестьдесят футов.

Однако Рэй-Гинсей не стал атаковать немедленно.

Лишь когда конь Дорис приблизился к сердцу руин, молодчик коварным броском метнул вперед черную жужжащую молнию.

Оружие безжалостно разрубило правую заднюю и правую переднюю ноги скакуна, а затем, описав плавную петлю, перерезало обе ноги коня с левой стороны.

Потери одной конечности животного было бы достаточно для предотвращения бегства Дорис, но то, что произошло, не вписывалось ни в какие рамки и было открытой демонстрацией жестокости.

Лошадь упала, окруженная кровавым туманом.

— О, какая красота!

— Рэй-Гинсей, вернувший оружие назад, восхищался открывшейся перед ним сценой.

Когда лошадь рухнула, гибкое тело взвилось в воздух, сделало сальто и, почти не покачнувшись, уверенно опустилось на землю.

Однако лицо Дорис было смертельно бледным.

Нет, она вовсе не забыла об оружии неприятеля и о его адской ловкости, поэтому гнала лошадь зигзагами.

Тем не менее черная молния, словно предугадав траекторию их движения, точнехонько отсекла ноги скакуну

— справа налево.

Дорис неожиданно осознала, что несется вперед, прямо на врага, в некотором смысле еще более страшного, нежели аристократ.

Копье и меч остались приторочены к седлу, но кнут девушка из рук не выпускала.

Впрочем, он казался странно легким и никчемным.

Рэй-Гинсей меж тем медленно и лениво въезжал в развалины.

— Став свидетелем твоего проворства, я обнаружил, что еще менее склонен убить тебя сразу.

Итак, возляжешь ли ты со мной, прежде чем покинуть сей бренный мир?

— Я не настолько низко пала!

Я скорей размозжу себе голову об один из этих камней, чем лягу с такой самовлюбленной гадиной!

— ответила Дорис, поспешно скользнув за ближайшую статую, покосившуюся от времени фигуру почти двадцатифутовой высоты с парой слегка выдающихся вперед клыков.

Пугающее оружие Рэя-Гинсея вряд ли сумело бы пробить этот каменный щит, но, лишенная возможности нанести ответный удар, Дорис оказалась в затруднительном положении.

— Чем желанней добыча, тем сильнее охотничий трепет.

Особенно когда дичь столь прелестна.

Ох, прости

— ты ведь тоже нечто вроде охотника, верно?

— Вопрос завершился презрительным смешком.

Едва Рэй-Гинсей заметил с холма, как Дорис грузит на лошадь тело ведьмы, он тотчас же решил убить девушку.

Если обнаружится связь между исчезновением отряда Сил обороны Фронтира и трупом старухи-колдуньи, имя его банды непременно всплывет, это лишь вопрос времени.

Ведьма выступала в роли резервной единицы, о которой никто не знал.

Действуя независимо, она призывала существ, невыносимых для человеческого разума.

Ее создания психологически обезоруживали противников бандитов.

Рэй-Гинсей обезглавил одержимую демоном ведьму и спас Дорис частично из-за естественного сексуального влечения к прекрасной девушке, однако свою роль сыграло и то, что он все равно планировал избавиться от старухи.

Теперь же девчонка загнана в угол, как дикая зверюшка; она невредима, но в глазах ее, когда она зыркает на него, полыхает враждебность.

— Я с легкостью мог бы отправить тебя в мир иной, но, боюсь, тогда тебе нечего будет вспомнить в загробном царстве…

— Оружие в его правой руке поблескивало на солнце.

— Я разрешу твоему хрупкому сердечку еще немного подрожать от страха.

Ах да, припоминаю одно из основных правил охотников

— сперва надо выманить изворотливую жертву из укрытия.

Раздался вой, а затем

— жуткий гул у подножия многотонной статуи, за которой пряталась Дорис.

Удивленно вскрикнув, девушка отскочила от камня.

Покосившаяся скульптура, которая, казалось, не в состоянии сдвинуться ни на дюйм, как ее ни толкай, внезапно выпрямилась, после чего начала крениться в сторону Дорис.

Оружие, совершившее это, снова вернулось к Рэю-Гинсею.

По эффективности оно напоминало бумеранг австралийских аборигенов, однако, в отличие от бумеранга, было бритвенно-острым как с внутренней, так и с внешней стороны. Кроме того, оно было железным.

Большинство людей, не являющихся коренными жителями Австралии, не способны точно

бросить даже простой деревянный бумеранг, а этот привлекательный юноша, гибкий, как молодое деревце, покачивающееся на ветру, запускал заточенные лезвия в любую угодную ему сторону легким поворотом кисти.

Его дьявольское мастерство придавало простым железным клинкам силу магических мечей, режущих насквозь человеческое тело, вековые стволы и даже камень.

Более того, они не просто рубили по прямой.

Оружие это могло налететь на цель справа или слева, сверху или даже снизу

— казалось, нет такого места, куда не могут попасть адские клинки.

Защититься даже от одного из лезвий казалось делом немыслимым, и уж вовсе невероятно было отразить две или три атаки брошенных одновременно клинков.

Любой щит оружие Рэя-Гинсея разрезало с той же легкостью, что и обычную жертву.

Таковы были они

— клинки-сорокопуты злодея.

Земля содрогнулась, и облако зеленого мха взмыло к небу

— монолит упал.

Дорис застыла на дне заросшей зеленью глубокой впадины

— потрясенная и напуганная.

Ближайшая каменная стена возвышалась в десяти футах от нее.

Покачиваясь, будто цветок, потревоженный дуновением крыльев бабочки, Рэй-Гинсей рассмеялся.

— Что-то не так?

Я думал, в природе зверя заложено бежать, когда на него охотятся…

Внезапно слова застряли у него в горле.

Лицо Дорис озарила надежда, ибо две вещи изменились разом.

Густой белый туман, явившийся из ниоткуда, начал заполнять пространство между развалинами.

Он липнул к руке Рэя-Гинсея, сжимающей оружие, и к щекам Дорис, оставляя на коже тепловатые капли.

А еще

— где-то вдалеке заржала лошадь.

Дорис как сумасшедшая рванулась к каменной стене. Пока туман защищал ее, но маловероятно, что он ослепит противника надолго: уйти не получится.

Она попытается подобраться как можно ближе к всаднику, чей скакун только что дал о себе знать, и попробует раздобыть какое-нибудь оружие, даже с угрозой для жизни.

Вряд ли этого окажется достаточно для победы, но…

Пока за ней не устремились в погоню смертоносные лезвия, девушка метнулась вперед.

Перебравшись через стену, Дорис задержала дыхание, прикидывая расстояние до следующего укрытия.

Вдруг раздался голос, который сделал ее целеустремленный взгляд безжизненным, как у покойника:

— Босс, я помогу тебе справиться с твоей подружкой.

Сырая белая пелена скрыла небесную синь, тень смерти подкрадывалась все ближе к одинокой девушке.

Рэй-Гинсей и трое его приспешников

— любого из них было для нее более чем достаточно…

— Что случилось с ведьмой, босс?

— спросил новый голос.

— Он вышел из игры.

Потерял голову из-за одной хорошенькой пташки.

Низкий рокот всколыхнул туман.

Голоса бандитов зазвучали приглушенно из-за душащего их черного гнева.

— Я выдавлю ей глаза.

— Я переломаю ей руки и ноги.

— Я оторву ей голову.

— А я позабавлюсь с тем, что останется от ее тела,

— подытожил Рэй-Гинсей.

Дорис молчала.

Она старалась даже не дышать, но головорезы отлично чувствовали присутствие девчонки, парализованной близостью неизбежной смерти.

Меж тем молочная пелена поглотила все вокруг.

Рэй-Гинсей держал наготове клинок-сорокопут.

Где-то в тумане, одновременно, без всяких указаний, Голем вытащил мачете, а в руке Бурава блеснул тонкий нож, а горб Халы раскололся пополам.

— Итак, приступим…

Еще миг

— и начнется смертельная атака, но вдруг Рэй-Гинсей замер.

Там что-то есть!

Да, в вихрящемся тумане, в липкой, тревожной дымке, размеренно и неуклонно гложущей людские души, в белесой сырости, просачивающейся сквозь кожу, угрожая потушить огонь жизни, Рэй-Гинсей ясно ощутил присутствие чего-то иного, нежели его группа и их беспомощная добыча.

И этого оказалось достаточно, чтобы остановить даже такого бывалого мерзавца, как главарь разбойников.

Рэй-Гинсей ничего не видел, однако всем телом чувствовал, что нечто уже находится здесь, возле монолита, опрокинутого его молниеносным броском.

Бандит ничего не понимал.

Да и откуда ему было знать, что скульптура, стоявшая здесь с незапамятных времен, загораживала вход в подземелье?

Испарения, сгустившиеся вокруг них, поднялись из черных глубин.

— Значит, вот он каков, внешний мир?

Голос, задавший вопрос, вполне мог принадлежать туманному демону.

В нем звенело что-то нечеловеческое, так что Рэй-Гинсей и трое его свирепых приспешников, сами того не заметив, нервно сглотнули.

Самым же странным было то, что голос принадлежал женщине.

— Здесь так холодно…

Внизу было гораздо теплее,

— произнесла другая женщина.

Заговорила и третья:

— Надо найти что-то, чтобы наполнить наши желудки…

О, тут как раз имеется кое-кто.

Один, два, три, четыре

— всего пятеро.

Рэй-Гинсей вздрогнул, осознав, что трое беседующих отлично видят сквозь туман, ослепивший его банду.

Присутствие чего-то жуткого и сверхъестественного мешало ему, он так и не опустил поднятые для броска клинки-сорокопуты

— руки больше не слушались хозяина.

Бандит мог бы поклясться, что пелена скрывает двух существ, и тем не менее его не покидало ощущение, что одно делится натрое!

— Ваши обязанности проводников исполнены.

Спускайтесь обратно вниз,

— приказал хриплый, но куда более человеческий голос.

Однако, хотя он и казался человеческим, присутствие его владельца страшило и обескураживало сильнее, чем присутствие источника странных женских голосов.

— О, но ты не можешь…

Ох, посмотрите, как он хорош…

Он очарователен, прелестен и, должно быть, так сладок…

Заподозрив, что эти тоскливые стоны относятся именно к нему, Рэй-Гинсей похолодел.

— Нет, я запрещаю.

Как же бандит возблагодарил неизвестного за команду!

— Пойдемте, сестры.

Нам велели возвращатся.

— Жаль, такая потеря… но, наверное, мы должны.

— Но… когда ты заглянешь к нам снова?

Когда ты посетишь нашу обитель, о возлюбленный?

Последний голос звучал умоляюще.

Ответа не последовало, и непонятное триединое существо неохотно двинулось сквозь туман и исчезло под землей.

Тогда заговорил тот, кто остался:

— Я не стремлюсь драться ни с кем, кроме аристократа, но если вы затеяли что-то, то начинайте.

Он бросает нам вызов!

Осознав это, четверка обнаружила, что их желание биться заметно ослабло.

— Ди… я знаю, что это ты, правда?

Дорис готова была разрыдаться.

— Иди ко мне.

Расслабься.

Спешить не надо.

В белесой пелене заскрипели зубы.

Велел, чтобы девчонка не торопилась, потому что уверен, что бандиты не смогут остановить его!

Зубовный скрежет подтверждал негодование глубоко оскорбленной четверки.

Однако неземная аура, текущая откуда-то из тумана, связывала злодеев по рукам и ногам, не давая им пошевелить и пальцем.

Пташка, чуть не ставшая добычей бандитов, зашагала на голос.

Стало ясно, что противники удаляются.

— Подожди… подожди минуту.

— В конце концов Рэю-Гинсею удалось выдавить пару слов.

— Назови мне хотя бы свое имя…

— Отринув свою обычную велеречивость, главарь заговорил в сквозь туман:

— Как тебя зовут, поганец?

Ди?

Ответа не было

— лишь ощущение, что парочка уходит все дальше и дальше.

И тут связывавшие разбойника чары спали.

С яростным криком Рэй-Гинсей метнул свое оружие

— оружие необыкновенной мощи, скорости и точности, чей полет не могло остановить ничто в мире; абсолютно уверенный в этом, молодчик уверенно послал сорокопуты вперед.

В тумане раздался лязг: клинок встретился с клинком.

А после

— ни звука.

Тишина воцарилась.

Все следы уходящей парочки исчезли.

— Босс?

— удрученно окликнул вожака Голем несколько минут спустя, но прекрасный юноша, порожденный самой преисподней, так и сидел, окаменев, в седле с вытянутой правой рукой,

дожидаясь клинков-сорокопутов, которым на этот раз не суждено было вернуться к хозяину.

Статуя горгульи со сложенными крыльями с высоты своего насеста озирала насмешливым взглядом комнату, одну из многих в замке графа Ли.

Лишенные окон, не слишком просторные покои не отличались изысканным дизайном, но роботы-часовые, выстроившиеся вдоль стены, кресло на возвышающемся над полом помосте, некто в черном, хмурящийся с гигантского портрета, скрывающего большую часть пространства за креслом, и общая атмосфера почти религиозной торжественности, царящая в комнате, заставляли предположить, что здесь вершится правосудие

— помещение являлось своего рода залом суда.

Обвиняемого уже допросили, и брови графа

— знак окончательного решения

— были гневно приподняты.

— Сейчас я оглашу приговор.

Взгляни на меня,

— приказал вампир.

Он говорил с достоинством феодального лорда, тихо, не вставая с кресла на помосте, отчаянно сражаясь с пламенем, готовым вырваться из его горла.

Не двигался и подсудимый.

Приведенный в комнату роботом-часовым, он так и лежал, распростертый на каменном полу.

Три пары пустых, бессмысленных глаз бродили по комнате, пока не встретились со взглядом нахохлившейся под потолком горгульи.

Черные волосы, доходившие до кончика массивного хвоста обвиняемого, превратили пол в шелковистое черное море.

Судили трех сестер из подземного акведука

— мидвичских медуз.

— Ты забыла, что в долгу у меня за то, что я три долгих тысячелетия давал тебе пристанище в водах моего подземного мира, укрывал от людских глаз и кормил до отвала.

А ты не только не расправилась с червяком, которого я послал тебе, но даже помогла ему бежать.

Такое предательство нелегко забыть.

Так что я приговариваю тебя к смерти, здесь и сейчас!

Шквал оскорблений как будто и не задел сестер, чьи головы мерно раскачивались и чьи глаза затягивала молочно-белая поволока.

Помолчав, они хором глубоко вздохнули и пробормотали:

— О мой бог…

— Убить их!

Не успел еще стихнуть яростный крик, который иные сочли бы криком безумца, как роботы-часовые выпустили из глаз алые лучи, превратившие головы медуз в пар.

Не глянув в сторону дымящегося и корчащегося на полу трупа, граф коротко приказал:

— Избавьтесь от них,

— и резко повернулся.

Он не заметил прихода Ламрики, а она уже была здесь.

Даже облачившись в белоснежное платье, девушка не избавилась от окружающей ее атмосферы тьмы.

Ответив на налитый кровью взгляд отца взглядом, полным ледяной насмешки, она спросила:

— Отец, почему ты покончил с ними?

— Они предали меня,

— выплюнул граф.

— Были, конечно, и смягчающие обстоятельства.

Юнец испил их крови и сделал своими рабами, вот они и вывели его на поверхность…

Когда я проснулся, компьютер доложил, что один из входов в подземелье утром открывался.

Я сразу решил вытащить сестричек из их логова и допросить.

И они подтвердили все.

Это было нетрудно: у них словно украли душу.

Они с радостью отвечали на мои вопросы.

— И какой вход?

— Роботы уже закупорили его.

— То есть ты хочешь сказать, что он благополучно спасся?

Отведя взгляд от неприлично восхищенного лица дочери, аристократ кивнул.

— Он выбрался.

Но то, как он победил трех сестер, не убив их, а всего лишь прокусив горло, как сделал бы любой из нас, и заставив исполнить свои требования…

У меня такое чувство, что он не обычный дампир…

Дампиры, которым не хватало самоконтроля, время от времени питались человеческой кровью, но еще не было случая, чтобы тот, кем они полакомились, стал марионеткой, такой же, какими делали своих жертв аристократы.

Сила дампиров, являющихся вампирами лишь наполовину, не простиралась так далеко.

В данном же, еще более странном случае жертвой стал не обычный человечишка, но подлинный монстр среди монстров

— мидвичские медузы.

Глаза Лармики заискрились.

— Ясно.

Ты позволил ему сбежать от тебя…

И девчонке тоже.

Лицо графа

— что неудивительно

— исказилось от гнева.

Девчонкой, конечно же, была Дорис.

Лармика саркастически напомнила отцу, как был он уверен в победе и как был вынужден бежать, встретив серьезнейшее сопротивление.

Преисполненная аристократической гордыни едва ли не больше, чем отец, Лармика резко возражала против того, чтобы возводить кого-либо из людей до уровня их рода, вне зависимости от того, насколько отца привлекала жертва.

Сейчас девушка с напускной наивностью поинтересовалась:

— Вечером ты снова ускользнешь из замка, чтобы повидать ее?

Нанесешь очередной визит на вонючую ферму?

— Нет,

— ответил аристократ уже спокойнее.

— Думаю, я пока воздержусь от посещений.

Щенок снова с ней, так что могут возникнуть трудности.

— Значит, ты откажешься от своих планов на эту человеческую девчонку?

Теперь настал черед графа лукаво усмехнуться.

— И снова

— нет.

Мне надо нанести визит кое-кому другому.

Прежде чем я казнил медуз, старшая сестрица помянула некоторых любопытных типов.

— Типов?

Ты имеешь в виду людей?

— Да.

С их помощью я расправлюсь с байстрюком

— так что прими мои соболезнования.

— В голосе графа не было утешения.

— И тогда ты получишь ту девицу?

— тихо спросила Лармика.

— Да.

Эти утонченные черты, эта нежная, бледная шейка и столь горячий темперамент…

Я уже несколько тысячелетий не встречал такого совершенства.

— Тон вампира изменился.

— Изнурительный бой, который она дала мне вчера ночью, лишь раззадорил меня.

Разве десять тысяч лет назад наш бог-предтеча не добился предмета своей страсти?

— Почтительный взгляд лорда с благоговением, которое проявил бы любой высший аристократ, скользнул по колоссальному полотну, висевшему на противоположной стене.

— Я слышал, что женщину, которую возжелал наш бог-предтеча, звали Мина Прекрасная, и жила она в древней земле Ангелов.

Кажется, наш бог-предтеча считал кровь, струящуюся под ее почти прозрачной кожей, сладчайшей и восхитительнейшей из всей крови, когда-либо омывавшей его язык, хотя он и отведал горячей влаги из жизненных родников тысяч прелестниц.

— Из-за этой женщины наш бог-предтеча обратился в прах,

— холодно добавила Лармика, одарив отца печальным, совершенно не свойственным ей взглядом.

— И ты не передумаешь ни при каких обстоятельствах, отец?

Гордая семья Ли владеет этим районом Фронтира долгих пять тысячелетий, и ни один человек еще никогда не входил в нее.

Ты охотился, пил кровь и оставлял жертв умирать, ни разу не предлагая ввести кого-то из людишек в наш дом.

Так почему же вдруг эта девчонка?

Уверена, не одна я задаюсь подобным вопросом.

Не сомневаюсь, моя ушедшая мать спросила бы то же самое.

Граф с болью улыбнулся и кивнул, словно смирившись с неизбежным.

— В том-то и дело.

Я собирался поговорить с тобой позднее, но… я намерен взять эту девушку в жены.

Лармика посмотрела на отца так, словно в сердце ей только что вонзили осиновый кол.

Никакой иной вид стыда не мог бы настолько потрясти эту гордую молодую женщину.

Ее и без того бледная кожа стала цвета бумаги.

— Понимаю.

Если ты уже все обдумал заранее, я больше не буду неблагоразумной.

Поступай как хочешь.

Однако мне, полагаю, следует покинуть замок и отправиться в длительное путешествие.

— Путешествие, говоришь?

Хорошо.

Несмотря на грусть, в голосе графа прозвучало облегчение.

Он нутром чуял, что его любимая, но импульсивная дочь никогда не сможет сосуществовать рядом с человеческой девчонкой, как бы он ни урезонивал их обеих.

— Итак, отец,

— лицо Лармики вновь стало очаровательным, как будто терзавшая ее проблема уже забылась,

— как именно ты намерен уничтожить щенка и заполучить девушку?

К тому времени, как Дорис и Ди добрались до фермы, солнце уже поднялось высоко.

Услышав от своей няньки

— доктора Ферринго

— о событиях прошлой ночи, Дэн, чье маленькое сердечко обуревали страх и тревога, с нетерпением ждал возвращения сестры.

Когда же он увидел идущую к дому пару, радости его не было предела, хотя глаза мальчишки едва не выпрыгнули из глазниц от потрясения.

— Что с тобой стряслось, сестренка?

Ты свалилась с лошади и оседлала того, кто первым под руку подвернулся, или что?

— Ой, да не кричи ты так.

Ничего особенного, правда.

Просто Ди расплачивается за все то беспокойство, что причинил нам,

— ответила Дорис из-за спины Ди.

Охотник нес девушку на закорках.

Нервы ее выдержали два жарких боя с двумя одинаково опасными противниками

— ночью с графом и утром с Рэем-Гинсеем, но в тот миг, когда Дорис вышла из туманного мира и услышала слова Ди:

«Теперь все хорошо», эти несчастные, натянутые как струны нервы просто лопнули.

Следующее, что она осознала,

— что висит на широкой спине Ди, шагавшего по дороге к ее дому.

«Эй, это не смешно! Опусти меня!»

— крикнула девушка, зардевшись.

Ди тотчас подчинился, но Дорис, испытавшая несказанное облегчение, просто не смогла устоять на ногах: они подогнулись, едва коснувшись земли, так что девушка без затей шлепнулась в траву.

Вот охотнику и пришлось нести нанимательницу на закорках весь остаток пути.

Ди доставил Дорис прямо в ее комнату и уложил на кровать.

Почувствовав под собой колыхание матраса, девушка провалилась в сон, но за миг до этого ей почудился грубый смех, а затем она услышала слова:

«А у нее славная задница. Порой и эта работенка имеет свои плюсы…»

Дорис проснулась, когда солнце уже клонилось к закату.

Доктор Ферринго давно уже возвратился в город, а Ди и Дэн чинили дверь и прихожую, поврежденные прошлой ночью.

— Да брось, Ди, мы сами позаботимся об этом.

Ты и без того натерпелся.

По пути на ферму Ди не раскрыл девушке всех обстоятельств, не позволивших ему вернуться вовремя.

Он сказал только:

— Я проиграл.

Девушка догадалась, что охотник имел в виду то, что ему не удалось уничтожить графа.

При этом Ди не добавил:

«Прости, что отсутствовал так долго», не спросил:

«Вчера ночью ничего не случилось?»

Обиженная Дорис, несколько сгущая краски, сама поведала ему о вечерних событиях.

Она даже не задумалась о странности происходящего, ведь ужасные вещи, о которых в другое время она элементарно побоялась бы говорить, теперь запросто слетали с ее языка

— только потому, что Ди был рядом.

Едва девушка закончила, Ди уронил короткое:

— Хорошо, что все обошлось.

И точка.

Слова его прозвучали холодно и надменно, однако Дорис они полностью удовлетворили, а если это глупо

— что ж, ну и пускай!

В любом случае она догадалась, что Ди дрался с графом и, кроме того, пережил еще какое-то весьма необычное приключение.

Вот почему она сказала, что охотник и без того «натерпелся».

— Да ну, все путем,

— возразил Дэн.

— Мой старший братец Ди ловко управляется.

Сестренка, мы с тобой возились бы целый месяц.

Посмотри-ка, он позаботился обо всем

— наполнил бочки порошком для борьбы с сорняками, поправил забор и даже наладил солнечные батареи.

— Вот это да!

— восхищенно воскликнула Дорис.

Получая премиальные, охотник мог содержать в порядке свой собственный дом, но девушка никогда не слышала, чтобы кто-то из бойцов помогал с ремонтом нанимателю.

Особенно в случае с Ди, ведь его вознаграждение…

Дорис оборвала мысль, пока щеки ее не запылали.

Она вспомнила, что обещала ему перед тем, как привести сюда.

— Ладно, все равно присядь, отдохни.

А я приготовлю обед.

— Мы скоро закончим,

— ответил Ди, привинчивая к косяку дверные петли.

— Давно я этим не занимался; идет туже, чем я думал.

— Угу, но ты все равно мастер,

— вмешался Дэн.

— Выходи за него, сестричка, и всю жизнь будешь как за каменной стеной.

— Дэн!

— Голос девушки сорвался на визг, она кинулась к братцу, чтобы отвесить сорванцу оплеуху, но юркий малыш поднырнул под занесенную над ним руку и ужом проскользнул в открытую дверь.

Прекрасный юноша и семнадцатилетняя девушка остались одни.

Горизонт уже наливался багрянцем, и последние лучи садящегося солнца, падая в проем, окрашивали пару в розовые тона.

— Ди…

— Произнести короткое имя оказалось не так-то просто.

— Это… я тут подумала, а что ты намерен делать после того, как закончишь работу?

Если ты не очень спешишь, может…

— Я не спешу, но неизвестно, будет моя работа тут завершена или нет.

Сердце Дорис дрогнуло.

Хрупкая душа, она безотчетно потянулась за поддержкой и теплым словом

— только чтобы угодить под кузнечный молот. Никаких гарантий, что ее недруг будет убит.

Ей повезло пережить две атаки, но главный бой еще впереди, и его исход пока неясен.

— Ди,

— повторила Дорис, и на этот раз имя охотника прозвучало так, словно вылетело из уст совершенно другого человека.

— Когда закончишь с дверью, возвращайся в гостиную.

Нужно обсудить дальнейшую стратегию.

— Понятно.

Коротко и сухо.

Вот так.

Запланированный «визит» аристократ нанес необычайно быстро.

Тем вечером Греко бражничал со своими лихими приятелями, которые вымещали свою злость на поколотившую их банду Рэя-Гинсея на ни в чем не повинных бутылках и кружках.

Пошатывающийся Греко уже плелся домой по пустынной улице, когда заметил таинственный экипаж, остановившийся перед гостиницей, и тут же отпрянул в тень.

Еще более странным казался тот факт, что, начиная с момента, когда черная карета выкатилась из мрака, и заканчивая мигом, когда она остановилась, не раздалось ни единого звука.

Конские копыта топтали мостовую, колеса повозки вращались, но ухо Греко не уловило ни топота, ни скрипов.

Карета аристократа…

Едва Греко сообразил это, опьянение мигом слетело с него.

«Значит, мерзавец явился за Дорис?»

Любопытство и ревность к поклоннику-конкуренту удержали Греко на месте.

В это время фонари на карнизе гостиницы высветили фигуру бледного мужчины, и без того окутанного аурой сверхъестественного.

«Лорд собственной персоной, зуб даю».

Греко инстинктивно чувствовал это.

Он никогда не видел мужчину, приехавшего в черном экипаже, но описание внешности дьявола прочно засело в его сознании еще с той поры, когда он ребенком подслушивал разговоры старейшин.

Вскоре карета уехала, а граф вошел в гостиницу.

«Какого черта его принесло в город?»

Затуманенные алкоголем мозговые клетки никак не могли связать воедино графа, гостиницу и Дорис, но они по крайней мере подтолкнули Греко в правильном направлении:

«Иди следом, дурень».

Затворив за собой дверь, Греко обнаружил застывшего за стойкой

— видимо, зачарованного

— клерка.

Глаза человека были широко раскрыты, а когда Греко помахал рукой перед его лицом, зрачки остались неподвижны.

Так что сынок мэра без помех открыл регистрационный журнал.

В наличии имелось десять комнат, все на втором этаже, и лишь один гость, отправленный, судя по записи, в номер 207.

Имя: Чарльз Э. Чан. Род занятий: актер.

Осторожно, стараясь ступать совершенно бесшумно, Греко на цыпочках поднялся по лестнице и подкрался к нужной двери.

Из щели у порога падала на пол полоска света.

«Не думаю, что вампир явился сюда, чтобы хлебнуть крови гостя.

Может, это один из закадычных дружков графа?

Не удивлюсь, если актеришку позвали на подмогу, чтобы прибрать к рукам Дорис».

Греко вытащил из кармана нечто напоминавшее стетоскоп, сделанный из тонкой медной проволоки.

Такие подслушивающие устройства рекомендовались охотникам.

Недавно Греко выиграл эту штуковину в карты.

Тончайшая паутинка, натянутая на крошечное отверстие в колокольчике, улавливала голоса, неразличимые человеческим слухом, усиливала их и передавала по медной проволочке тому, кто подслушивал.

Обычно это приспособление использовалось в поисках логова сверхъестественных существ, приближаться к которым слишком опасно, но Греко успел его опробовать на окнах всех молодых девушек города.

Приладив колокольчик к двери с помощью присоски, сынок мэра навострил уши и замер.

По ту сторону створки звучал голос, который никак не мог принадлежать человеку, голос не от мира сего.

Для верности Греко прижал ухо к замочной скважине.

Рэй-Гинсей несказанно поразился, когда запертая, казалось, дверь беззвучно распахнулась и в комнату неторопливо шагнула фигура в черном.

Быстро опознав в госте аристократа, бандит продолжил недоумевать касательно причины визита лорда, хотя не мог не заметить появившиеся на столе клинки-сорокопуты.

Незваный посетитель, чьи очи пылали адским пламенем, сделал молодчику поистине абсурдное предложение:

— Мне известно все о тебе и твоей банде,

— заявил он.

— Что вы перебили патрульный отряд Сил обороны Фронтира и что безуспешно пытались прикончить некую молодую леди.

У меня к этой девушке дело, но кое-кто стоит на моем пути.

Это тот, с кем вы встретились в тумане.

Тот, кого ты оказался бессилен остановить.

— Ради всего святого, о чем это ты?

— притворился непонимающим Рэй-Гинсей.

— Я всего лишь странствующий артист.

При одном упоминании о столь грязных деяниях у меня кровь холодеет в жилах.

Облаченный в черное гость холодно рассмеялся и швырнул на кровать серебряную бляху.

Значок принадлежал командиру отряда СОФ.

— Ты полагал, что трупы людей и лошадей съедены или сожжены, а пепел развеян по ветру.

Увы, но в данном случае это не так.

Следящие устройства моего замка связаны со спутником-шпионом, и, когда я пробуждаюсь, они моментально информируют меня о событиях в полосе Фронтира.

Эта бляха воссоздана из молекул золы, собранной на месте погребального костра.

У меня также имеются сделанные со спутника фотографии

— твои и твоей группы в момент бойни.

Нет нужды говорить, что случится, если данная информация станет известна не только в этой деревушке, но и во всех иных уголках мира, которые низшая людская раса называет домом.

Услышав эти слова, Рэй-Гинсей метнул клинки.

Оружие ударилось о невидимый барьер, защищающий шантажиста-аристократа, и вонзилось в пол.

По правде говоря, именно в этот момент Рэй-Гинсей сдался.

— Я еще не упомянул о девушке,

— продолжил аристократ.

— Не удивлюсь, если она поутру посетит шерифа и, уверяю тебя, не замедлит рассказать ему все о тебе и твоей банде.

Полагаю, ты задержался в городе единственно чтобы убить девчонку, прежде чем она заговорит, но пока на ее стороне тот человек, прикончить ее будет не так-то просто.

Как-никак твой противник

— дампир, в нем течет кровь моего рода.

Не важно, какой способ действий ты изберешь: тебя и твою группу ждет неминуемая смерть.

— Но зачем ты говоришь мне все это?

Чего ты хочешь от нас?

Голос Рэя-Гинсея стал спокойным, потому что ночной гость был прав

— во всем, кроме одного, а потому бандит решил, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Думаю, я могу предложить тебе помощь,

— вот неожиданность!

— Как только щенок, мешающий мне, погибнет, а девушка станет моей, меня не будет больше занимать то, что творится в низшем мире людишек.

— Но как?..

Злобный огонь полыхнул в глазах Рэя-Гинсея.

Он понял, что ему выпала возможность расправиться с гаденышем из тумана.

Именно в этом пункте граф ошибся.

Он оставил троих своих соратников в лесном лагере и явился в город в одиночку не для того, чтобы заставить девицу замолчать.

Нет, это тоже входило в план, но истинная цель была куда более личной.

Он загнал маленькую пташку туда, где можно было оторвать ей крылышки, лапки и свернуть ее тонкую шейку, а враг-соперник увел ее прямо из-под носа!

Хуже того, он познал унижение, парализованный призрачной аурой, не давшей ему и пальцем пошевелить, чтобы расправиться с противником, а после еще и непобедимые клинки-сорокопуты, которыми он так гордился, были сбиты на лету одним ударом.

Рэй-Гинсей пришел в город, чтобы заставить врага заплатить за все.

Он жаждал мести.

Преисполненная ненависти к неведомому противнику банда согласилась с планом главаря.

Он вернулся в город один, чтобы не вызывать лишних подозрений, когда начнет разыскивать девушку и ее таинственного покровителя.

Однако ожидание у городских ворот ничего не дало.

Расспрашивая едва ли не каждого встречного, он ухитрился узнать разве что имя девицы и место ее проживания.

В другое время скорый на расправу разбойник отправился бы прямиком туда, но сейчас, едва он вспоминал о необъяснимой силе спутника девушки, которого в городе никто так и не сумел опознать, пламя его мстительных замыслов мгновенно заливала ледяная рассудочная волна.

Рэй-Гинсей ненадолго покинул город, встретился со своими приспешниками и приказал им следить за фермой Дорис, после чего вернулся обратно —

собирать о противнике всю возможную информацию.

И вот, хотя знаний у него не прибавилось, он приобрел такого могущественного союзника, о котором прежде не мог и мечтать.

— И как мы это сделаем?

— снова спросил Рэй-Гинсей.

— Вот что ты должен предпринять.

Беседа демона в черном и красавца-злодея продолжалась еще некоторое время.

Вскоре гость бросил на кровать нечто длинное, тонкое, похожее на свечку.

— Это благовонная временная ловушка, обращающая день в ночь, а ночь в день.

Я даю тебе особо сильный препарат.

Когда приблизишься к дампиру, зажги огонь, а потом быстро притуши.

Его защита должна пасть, и тогда ты убьешь его.

Однако, предупреждая твои мысли насчет иного использования ловушки, замечу, что ее можно использовать лишь дважды.

Нужно только хорошенько встряхнуть ее, и она загорится.

— Подожди, пожалуйста, минутку!

— воскликнул Рэй-Гинсей, надеясь остановить удаляющуюся фигуру.

— Я осмелюсь попросить тебя еще об одной милости.

— Милости?

— Голос пришельца прозвучал озадаченно и рассерженно разом.

— Да, сэр.

— Кивнув и улыбнувшись, Рэй-Гинсей изложил свою просьбу.

— Я молю сделать меня одним из аристократов.

О, не гневайся так.

Пожалуйста, просто выслушай меня.

Я не мог не задаться вопросом, почему ты выбрал партнером в этом деле именно меня.

Если достаточно одного благовония, довериться можно было бы практически любому человеку: мы живем во времена, когда родители убивают собственных детей за золотую монету и новое копье.

И то, что ты озаботился лично повидаться со мной, доказывает, что убить дампира не так-то просто.

Тебе необходим кто-то, обладающий моими умениями.

Я и сам знаю кое-что о дампирах

— хуже врагов не сыскать, но в этом парне чувствуется нечто особенно могущественное, столь пугающее, что и описать нельзя.

Это не обычный дампир.

При всем моем уважении, тебе недостаточно просто закрыть глаза на преступления моей группы.

Я не прошу той же милости для всех четверых, но для себя я бы желал быть принятым в благословенные ряды знати.

Застывшая в тени фигура молчала.

Любой, имеющий сердце, услышав Рэя-Гинсея, непременно вскричал бы: «Предатель!»

Впрочем, как отреагировали бы трое членов его банды, сказать наверняка нельзя, но мир никогда не испытывал недостатка в отступниках.

Страшась адских демонов, в глубине души люди взирали на ужасных вампиров с завистью.

Могущество и бессмертие так соблазнительны…

— Что скажешь?

— спросил Рэй-Гинсей.

Черный посетитель в ответ лишь кивнул, и тогда бандит склонился в знак согласия:

— Значит, ваше поручение будет исполнено.

— Позаботься об этом.

И фигура в черном удалилась.

Прежде чем вернуться в замок, вампира ждал еще один визит.

В неверном свете потолочного светильника граф не заметил человека, что затаился в коридоре…

http://tl.rulate.ru/book/51824/1303045